

Тук-тук, тук-тук.

Изящные бледные ступни ступали по гладкому полу, и черный электронный браслет на левой ноге издавал резкий, неприятный звук.

Клац, клац, клац.

Звон кандалов, бьющихся о металл, становился всё отчетливее. Этот звук напоминал предупреждение, постоянно напоминая о том, какому унижению он подвергается.

Проходя по гнетущему металлическому коридору, сереброволосый юноша, сгорбившись и мелко дрожа, следовал по пятам за двумя тюремщиками. Даже его пальцы ног, касавшиеся пола, казались робкими, словно он боялся задеть что-то, чего касаться было нельзя.

Короткий путь, занявший всего несколько минут, показался вечностью.

— Пришли.

Су Ицин поднял взгляд. Двое мужчин, которые еще мгновение назад вели себя столь дерзко за пределами камеры, теперь глубоко вздохнули, словно собираясь с духом. Тюремщик Ян подошел к металлической кодовой двери, чтобы пройти сканирование радужки глаза.

Что здесь происходит?

Су Ицин наблюдал за этим, недоумевая.

Дверь с тихим писком медленно отворилась. Тюремщики невольно выпрямились. Даже обычно расхлябанный тюремщик Ян собрался и почтительно отдал честь, а в его глазах читались странная смесь благоговения и ужаса.

Внутри было абсолютно темно, лишь в углу тускло мерцал свет. В нос ударил тошнотворный запах гнили и крови, от которого к горлу подступил ком.

Тюремщики побледнели, но, не смея выдать своего состояния, сохраняя каменные лица, втолкнули юношу внутрь. Металлическая дверь снова издала писк и закрылась.

Тюремщик Ян включил настенный светильник. Свет охватывал небольшое пространство, но этого хватило, чтобы Су Ицин разглядел обстановку.

Похоже, это лаборатория.

Помещение было небольшим, повсюду аккуратно расставлены точные приборы, каждый из которых был тщательно промаркирован. Су Ицин мельком заметил центрифугу, вакуумный насос, морозильные камеры...

Внезапно на него упал агрессивный, подобный змеиному взгляд. По спине пробежал холодок, по коже поползли мурашки.

Мозг и интуиция одновременно подали сигнал опасности. Страх и возбуждение — два совершенно противоположных чувства — ворвались в сознание, требуя внимания.

Топ, топ.

Ленивые шаги приближались, словно в замедленной съемке.

Тень, в которой с трудом угадывались очертания человека, накрыла юношу, отрезав его от света. Мрачный силуэт поглотил все блики, полностью накрыв сереброволосого пленника.

Тук-тук, тук-тук.

Неясно, от страха или от возбуждения, но сердце юноши, до этого бившееся ровно, вдруг заколотилось в бешеном ритме.

В теле Су Ицина впервые за долгое время вспыхнуло нечто странное — возбуждение, способное вернуть красок его жизни, и адреналиновый восторг, вызванный смертельной опасностью.

— Повернись.

Приказ не терпел возражений.

Сереброволосый юноша вздрогнул, опустил голову и медленно развернулся. Он не смел поднять глаз. В поле зрения застыли начищенные до блеска черные кожаные туфли, а над ними безупречно сидели брюки от темно-синей формы тюремщика.

В поле зрения вошла рука с четко очерченными суставами. С явным интересом она потянула за прядь серебристых волос, упавших на лицо юноши, а большой палец многозначительно потер кожу.

Юноша оставался неподвижен, словно марионетка, лишенная чувств. Длинные загнутые ресницы послушно опустились, скрывая бурю эмоций.

Поиграв с волосами, рука, видимо, заскучала и ухватила юношу за подбородок, заставляя поднять голову. Холодные пальцы заставили его вздрогнуть, а в глазах отразился неподдельный ужас.

Мужчина оказался обладателем утонченной внешности. Глубокие черты лица выглядели как работа великого скульптора. В холодных глазах, скрытых в тени, не было ничего, кроме безразличия. Золотая оправа очков на высокой переносице придавала ему вид интеллигентного мерзавца, а уголки губ вдруг изогнулись в загадочной усмешке.

Слегка приподняв идеальный подбородок, мужчина тихо рассмеялся:

— Поглядите-ка, какая прелестная куколка.

Слова были лестными, но в глазах мужчины Су Ицин видел восхищение, эстетическое любопытство, но ни капли искреннего тепла.

Под маской утонченности в этом человеке скрывалась нечеловеческая жестокость. Эта тьма сейчас дремала в глубине его души, прикрытая внешней оболочкой.

Серебристые глаза, видевшие всё насквозь, тут же спрятали свои мысли в темноте.

Мужчина не закончил свой осмотр. Начальник тюрьмы одним движением сорвал с юноши черно-белую одежду. Тело, лишенное изъязнов, обнажилось, подобно белому нефриту, расколовшему скалу. Бледная, почти прозрачная кожа казалась нежной и хрупкой, а на груди среди спутанных серебряных прядей проступали нежно-розовые бутоны.

Глаза мужчины за стеклами очков сузились и стали черными, как смоль.

Пальцы на подбородке сжались сильнее. В глазах сереброволосого юноши мелькнул испуг, и они невольно подернулись влажной дымкой.

Мужчина с интересом долго разглядывал юношу, наслаждаясь тем, как тот мелко дрожит от страха. Ощущение, что каждое движение пленника — это реакция на него самого, доставляло мужчине огромное удовольствие.

Но если бы этот белый кролик так легко поддался... это было бы слишком скучно.

Мужчина внезапно потерял интерес, лениво махнул рукой и отстранился. Он тяжело опустился на черный кожаный диван, закинул длинные ноги на журнальный столик и, поудобнее устроившись, наконец соизволил перевести взгляд на двоих других.

— Вы... ищете смерти?

В его, казалось бы, небрежном тоне прозвучала такая опасность, что по спине пробежал мороз.

— До-докладываю, начальник тюрьмы, — тюремщик Ян набрался смелости, — мы очень сожалеем о том, что произошло вчера во время Рейтингового турнира. Мы несем полную ответственность, поэтому сегодня я принес вам компенсацию.

— Компенсацию?

Мужчина, которого называли начальником тюрьмы, холодно взглянул на Яна, а затем указал на юношу, съевшегося на полу:

— Вот это?

Тюремщик Ян почувствовал, как онемело все тело:

— Да, именно так... Надеюсь, вам понравится...

В тюрьме существовало негласное правило: какой бы проступок ни совершил тюремщик, если он не нарушал главных запретов, он мог избежать смерти, если до наказания успевал преподнести начальнику подходящую его вкусу компенсацию.

Начальник тюрьмы подпер подбородок рукой, постукивая указательным пальцем по столу. Казалось, он оценивал стоимость этого подношения. Тюремщик Ян затаил дыхание, его одежда пропиталась холодным потом.

После пугающего молчания начальник тюрьмы перестал стучать пальцами.

— Чтобы это было в последний раз.

Тюремщик Ян почувствовал, как гора свалилась с его плеч:

— Благодарю за милость.

Только юноша на полу, не поднимая головы, слегка вздрогнул. Его волосы скрывали лицо, но взгляд был холодным, как лед.

Тюремщик Цю тоже выдохнул, но тут же поймал на себе ледяной взгляд и содрогнулся.

— А ты?

— Я... я...

Сердце тюремщика Цю сжалось от ужаса. Его начало трясти, ноги подкосились, и он рухнул на пол.

Один лишь взгляд.

Давление, с которым божество смотрит на ничтожного муравья, обрушилось на Цю, раздавливая его.

— Я... я тоже собирался подготовить... я думал, что если...

Цю испуганно косился на Яна, который стоял в стороне, пытаясь оправдаться, но у «бога» уже не было терпения.

Начальник тюрьмы небрежно повел пальцем, алые губы шевельнулись, и никто не понял, что именно он произнес.

— Осуждение.

Су Ицин замер.

Тонкие, как нити, струйки крови вырвались из кончиков пальцев начальника. Словно обычные нити, они сплелись в воздухе в непонятный символ и вонзились в лоб тюремщика Цю. А затем...

Хлоп.

Брызнула кровь.

Ни крика, ни стога. Тюремщик Цю, у которого еще секунду назад был открыт рот, в одно мгновение взорвался. Его останки густо покрыли стены, а крупные капли крови медленно стекали вниз, напоминая причудливую глазурь на обожженной керамике. В этом была какая-то безумная, болезненная эстетика.

Начальник тюрьмы по-прежнему лениво сидел на кожаном диване в той же позе. Только брызги крови на его лице напоминали о том, что произошло.

Никто не видел, как именно это случилось, никто не понял, как погиб тюремщик Цю.

Тук-тук, тук-тук.

Сердцебиение стало оглушительным.

Су Ицин чувствовал, как сирена в его голове воеет всё громче. Что значит «Осуждение»? Что это были за кровавые нити? Неужели это способность начальника тюрьмы убивать?

— Вон.

Прежде чем Су Ицин успел что-то сообразить, тюремщик Ян ответил:

— Слушаюсь!

Он отвесил поклон и быстро, бесшумно выскочил из лаборатории.

Су Ицин смотрел, как металлическая дверь медленно закрывается. В комнате остались только он и начальник тюрьмы.

Это, должно быть, и называется...

— Договариваться с тигром о шкуре?

— Подойди.

Сереброволосый юноша не посмел медлить и подошел к начальнику.

Тот долго и безэмоционально смотрел на него, а затем внезапно протянул руку и провел пальцами по бледной груди юноши. От этого прикосновения кожа покрылась мурашками, и было неясно, вызвано это страхом или чувствительностью.

— Всё, можешь идти.

Юноша замер. Он стоял на месте, опустив ресницы, о чем-то размышляя. Он хотел что-то сказать, но в итоге осторожно направился к выходу, постоянно оглядываясь.

Начальник тюрьмы словно не замечал его движений. Он даже не поднял головы, продолжая спокойно листать документы на полке, всем своим видом показывая полное безразличие.

Су Ицин понял, что это не просто лаборатория, а еще и рабочий кабинет начальника.

Он отвел взгляд. На лице всё еще играла роль жалкого белого кролика, но внутри возникло странное желание рассмеяться.

Ха, договариваться с тигром?

— Еще вопрос, кто здесь тигр.

— Э-э... простите!

Начальник тюрьмы наконец соизволил поднять веки. Он увидел, что юноша сжался в комок и нервно кусает губу. Под его тяжелым взглядом пленник с трудом нарушил тишину, дрожащим голосом произнес:

— ...Я... можно мне одолжить у вас одну вещь?

<http://bllate.org/book/19174/1882552>